

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.1

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГАРАНТИЙ ДОБРОВОЛЬНОСТИ ПРИЗНАНИЯ ВИНЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Филиппова Ольга Владимировна, магистрант, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, Оренбургский государственный университет, Оренбург
e-mail: o.abdrykova@yandex.ru

Научный руководитель: **Кареева Анжела Анатольевна**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Оренбургский государственный университет, Оренбург
e-mail: angela77735@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются теоретические и практические проблемы обеспечения гарантий добровольности признания вины в уголовном судопроизводстве. Рассматривается зарубежный опыт, а также предлагаются способы разрешения проблемных аспектов. Цель состоит в определении места и роли признательных показаний в системе доказательств, с одной стороны, и в системе условий для принятия процессуальных решений о форме деятельности по уголовным делам, максимально отвечающих уровню защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства, установленного Конституцией и общепризнанными принципами и нормами международного права, – с другой, и разработке на этой основе предложений по оптимизации уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики. Научная новизна состоит в формировании концептуальной модели института признания вины в современном уголовном процессе*

***Ключевые слова:** уголовное судопроизводство, справедливость, гарантии, добровольность признания вины.*

***Для цитирования:** Филиппова О. В. Проблемы обеспечения гарантий добровольности признания вины в уголовном судопроизводстве // Шаг в науку. – 2023. – № 4. – С. 131–135.*

PROBLEMS OF ENSURING GUARANTEES OF VOLUNTARINESS OF GUILTY PLEAS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Filippova Olga Vladimirovna, postgraduate student, training program 40.04.01 Jurisprudence, Orenburg State University, Orenburg
e-mail: o.abdrykova@yandex.ru

Research advisor: **Karaeva Angela Anatolyevna**, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Orenburg State University, Orenburg
e-mail: angela77735@mail.ru

***Abstract.** The article deals with theoretical and practical problems of ensuring guarantees of voluntary admission of guilt in criminal proceedings. Foreign experience is considered, as well as ways to resolve problematic aspects are proposed. The goal is to determine the place and role of confessions in the system of evidence, on the one hand, and in the system of conditions for making procedural decisions on the form of activity in criminal cases that best meet the level of protection of the rights and freedoms of participants in criminal proceedings established by the Constitution and generally recognized principles and norms of international law, on the other, and the development of This is based on proposals to optimize criminal procedure legislation and law enforcement practice. The scientific novelty consists in the formation of a conceptual model of the institution of admission of guilt in the modern criminal process.*

Keywords: *criminal proceedings, justice, guarantees, voluntary admission of guilt.*

Cite as: Филиппова, О. В. (2023) [Problems of ensuring guarantees of voluntariness of guilty pleas in criminal proceedings]. *Shag v nauku* [Step into science]. Vol. 4, pp. 131–135.

Последнее десятилетие вопрос о допустимости доказательств набрал обороты. Должностные лица, используя своё должностное положение, используют недозволенные методы получения доказательственной базы, тем самым ставя под сомнение систему уголовного судопроизводства.

Так, по-прежнему является неразрешенным вопрос о гарантиях допустимости доказательств при признании обвиняемым своей вины в случаях особого порядка судебного разбирательства, явки с повинной, деятельного раскаяния и примирения сторон.

Не вызывает сомнения тот факт, что отсутствие принуждения со стороны должностных лиц является необходимой задачей для осуществления справедливого уголовного процесса. Как известно, принуждение может выражаться в различных формах, начиная от психологического насилия, заканчивая физическим. В связи с этим целесообразно согласиться с предложением Н. Ю. Волосовой о том, что «было бы верно указать в ст. 75 УПК РФ, что признание обвиняемым своей вины может выступать в качестве допустимого доказательства только при условии соблюдения процедуры получения данного признания в рамках, предусмотренных законом, а именно, отсутствия насилия, угроз его применения и других форм воздействия» [3].

Правоприменение является основным концептуальным признаком института сделки о признании вины. Цель соглашения о признании вины заключается в том, чтобы ускорить весь процесс с обвиняемым и сократить период до исхода уголовного дела. Если обвиняемый приступит к заключению соглашения о признании вины, он не будет подвергнут классическому, часто длительному процессу, завершающемуся обязательным судебным разбирательством, которое может откладываться несколько раз для получения необходимых свидетельских показаний. Общеизвестно, что с увеличением продолжительности уголовного судопроизводства одновременно снижается эффективность уголовного наказания и, наоборот, более мягкое наказание, назначаемое в короткий срок после совершения преступления, лучше соответствует цели наказания в смысле индивидуального и общего предупреждения [7].

Основной интерес восстановительного правосудия направлен на урегулирование конфликтов между виновными в совершении преступлений и их жертвами, или поврежденными. Однако соглашение о признании вины по своей природе представляет собой

скорее соглашение между правонарушителем и государством, которое представлено прокурором. Восстановительная концепция уголовного судопроизводства, основанная на мнении о том, что сложившаяся ситуация не является адекватной реакцией общества на рост преступности и отказывается от классической карательной функции наказания, вместо этого видит свою цель в возмещении ущерба и возмещении ущерба в пользу восстановительной [2].

Акцент делается не только на возмещении требований потерпевшего, но и на учете его законных интересов, что идет рука об руку с укреплением его процессуальной позиции в уголовном судопроизводстве. Однако в случае действующего законодательства это не может говорить об усилении позиции потерпевшей стороны. Согласие потерпевшего не требуется для действительного заключения договора, как не требуется его присутствия при фактическом обсуждении его содержания. Компенсация ущерба не является обязательной частью соглашения, и положение потерпевшей стороны, таким образом, ограничивается «простым» правом заявить о своем требовании о реституции. Кроме того, целью потерпевшего не всегда должно быть простое материальное удовлетворение, напротив, тот факт, что обвиняемому будет вынесен приговор в виде надлежащего и публично наблюдаемого процесса, может способствовать его реабилитации [4].

Конечно же, существует определенное количество гарантий для обеспечения добровольности признания вины в уголовном процессе. Но, к сожалению, практика сложилась иным образом, а точнее, самым большим недостатком работы данного института является возможность самооговора, в том числе под влиянием должностных лиц [5].

В своих решениях Европейский суд по правам человека касался конкретных вопросов так называемых «сделок о признании вины» лишь в нескольких случаях, в которых он вообще комментировал вопрос о допустимости разбирательства, результатом которого является заключение соглашений, содержащих окончательное решение дела, то есть вину и наказание. Однако необходимо также рассматривать производство по мировому соглашению в целом как институт, посредством которого обвиняемый отказывается от части своих прав, принадлежащих ему при классическом рассмотрении его уголовного дела в основном судебном процессе. Это потенциально ставит под угрозу некоторые компоненты права на справедливое

судебное разбирательство, содержащиеся в пункте 1 статьи 6 Конвенции в целом для любого разбирательства в суде, а также его податрибуты, относящиеся исключительно к уголовному судопроизводству, которые составляют содержание статьи 6, параграф 233 и параграф 3, гарантирующие так называемые минимальные права обвиняемого.

Противоречие с принципом презумпции невиновности, принципом равенства перед законом, принципом открытого судебного разбирательства и, что не менее важно, учитывается требование адекватности уголовных наказаний. Решения ЕСПЧ, в которых Суд рассматривает совместимость практик, заключающихся в заключении соглашений, содержащих определение вины и наказания, являющихся результатом переговоров между прокурором и обвиняемым («сделка о признании вины»), с правом на справедливое судебное разбирательство, гарантированное Конвенцией, имеют непосредственное значение для примирительной процедуры. Потенциальная совместимость сделки о признании вины с Конвенцией была всесторонне рассмотрена ЕСПЧ в его решении по делу *BabarAhmadandothers v. Соединенное Королевство* в 2010 г. В частичном решении о приемлемости жалобы группы лиц, подозреваемых в терроризме, ЕСПЧ пришел к выводу, что с точки зрения Конвенции примирительная процедура в принципе не должна рассматриваться как процедура, что должно противоречить праву на справедливое судебное разбирательство (Статья 6 Конвенции).

Впервые ЕСПЧ подробно рассмотрел вопрос о совместимости соглашений, достигнутых в результате переговоров между прокурором и обвиняемым, с постулатами, составляющими содержание права на справедливое судебное разбирательство, в деле *Нацвлишвили и Тогонидзе против России и Грузии*.

Была проведена оценка практики заключения сделок о признании вины в Грузии. Суд констатировал, что сделка о признании вины является вполне распространенным способом решения уголовных дел в странах континентальной Европы, и ничего неуместного в такой процедуре в принципе нет. В то же время он подчеркнул важность соглашений, результатом которых является установление вины и определение наказания, которые, помимо своего вклада в судебную систему, заключающегося в ускорении уголовного судопроизводства и облегчении бремени дел, поступающих в суд, также представляют собой заметное преимущество для прокуроров и защитников. По мнению Суда, не менее значительным преимуществом этих соглашений является то, что при условии их надлежащего применения они могут стать очень эффективным инструментом в борьбе с коррупцией и орга-

низованной преступностью и могут дополнительно способствовать сокращению вынесенных приговоров и, как Результатом стало сокращение числа осужденных преступников в тюрьмах.

В решении по делу *Барбера и др. против Испании* Суд повторяет, что от некоторых прав, несомненно, можно отказаться, но конкретный перечень этих прав не содержится ни в одном решении. Однако ЕСПЧ постепенно провозглашает в своих решениях индивидуальные права, отказ от которых разрешен или запрещен. Эти права должны, согласно мнению, выраженному в деле *Deweeg против Бельгии*, подлежать надлежащему расследованию. Что касается существенного требования заявления обвиняемого об отказе от определенных прав на справедливое судебное разбирательство, ЕСПЧ в деле *LeCompte, VanLeuven и DeMeuere против Бельгии* оговорила, что такое заявление должно быть сделано свободно и недвусмысленно. В решении от 2006 г. он затем добавил, что такое заявление также должно быть связано с определенными процессуальными гарантиями, гарантирующими, что процесс проводится справедливо по смыслу статьи 6 Конвенции, и требует создания надлежащих гарантий против злоупотреблений, которые должны соответствовать значимости такого деяния. В то же время отказ от любого из прав на справедливое судебное разбирательство не должен вступать в противоречие с важными общественными интересами. Что касается формы волеизъявления, то ЕСПЧ в целом допускает, что заявление обвиняемого об отказе от права обсуждать дело в ходе справедливого судебного разбирательства в суде было сделано не только явно, но и неявно.

Однако правовая система Российской Федерации правильно выходит за эти рамки и требует, чтобы признание вины производилось как выразительное волеизъявление обвиняемого. В этом смысле совместимость консенсуальных институтов, таких как соглашение о вине и наказании, с правом на сохранение презумпции невиновности, которая является неотъемлемой частью права на справедливое судебное разбирательство по смыслу пункта 2 статьи 6 Конвенции, является фундаментальным вопросом.

По делу *Нацвлишвили и Тогонидзе*, по мнению Суда, сам факт того, что переговоры по соглашению были инициированы обвиняемым, который сделал это на основе консультации с одним из двух своих защитников, является достаточной гарантией того, что согласие обвиняемого было получено однозначно на основании его свободного решения. Однако суд подчеркнул важность присутствия защитника даже в судебной стадии производства по рассмотрению достигнутого соглашения, когда учел тот факт, что судья

прямо просил как обвиняемого, так и его защитника в ходе судебного заседания проверки соглашения о том, были ли они каким-либо образом принуждены к заключению такого соглашения [1].

В заключение можно резюмировать, что, с точки зрения ЕСПЧ, институт соглашения о признании вины в принципе не противоречит правам на справедливое судебное разбирательство, гарантированным Конвенцией в ее статье 6. Определенные требования были соблюдены. Прежде всего, государственная власть должна обеспечить, чтобы обвиняемый никоим образом не был принужден к даче показаний, в то же время правовые системы отдельных государств должны обеспечивать достаточные гарантии того, что обвиняемый будет полностью осведомлен обо всех последствиях его согласия на соглашение. Весьма действенным средством государственной гарантии может быть наличие защитника, что исключает риски злоупотребления институтом в ущерб части обвиняемых и создания неравных условий для граждан. С такой концепцией можно в принципе согласиться, однако необходимо еще раз убедиться, являются ли гарантии, предоставляемые таким образом в Российской Федерации, достаточным средством для выполнения постулатов справедливого судебного разбирательства, особенно в смысле обеспечения материального обзора всего переговорного процесса между прокурором и обвиняемым.

По мнению О. Я. Баева, в целях устранения какого-либо незаконного воздействия на допрашиваемого необходимо, во-первых, «подвергнуть задержанного до его допроса по существу дела судебно-медицинскому освидетельствованию на предмет установления наличия телесных повреждений: в случае если таковые будут обнаружены, незамедлительно допросить подозреваемого об обстоятельствах их получения. Во-вторых, после дачи подозреваемым «признательных» показаний вновь произвести его судебно-медицинское освидетельствование. Цель его ясна: установить, что в промежутке между первым и новым освидетельствованием у подозреваемого не появились телесные повреждения».

Так, Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 6 февраля 2004 г. № 44-О четко указал, что положение, содержащееся в ч. 3 ст. 56 УПК

Российской Федерации в его конституционно-правовом истолковании, не может служить основанием для воспроизведения в ходе судебного разбирательства содержания показаний подозреваемого, обвиняемого, данных в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника и не подтвержденных им в суде, путем допроса в качестве свидетеля, дознавателя или следователя, производившего дознание или предварительное следствие¹.

По нашему мнению, целесообразно внедрить дополнительные гарантии добровольности получения признания вины, а именно:

- запретить общение с подозреваемым, обвиняемым оперативным работникам, исключив ч. 2 ст. 95 УПК РФ;
- ввести допрос подсудимого в ходе проведения судебного заседания в особом порядке судебного разбирательства посредством внесения изменений в ч. 5 ст. 316 УПК РФ, а именно «судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу». При этом могут быть исследованы обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также проведен допрос с целью установления добровольности получения признания вины;
- предоставить адвокату возможность освидетельствовать подозреваемого (обвиняемого) при наличии жалоб со стороны последнего на применение физического насилия, привлекая в необходимых случаях специалиста;
- не допускать допрос в качестве свидетеля лица, фактически находящегося в положении подозреваемого;
- запретить производство с обвиняемым (подозреваемым) очных ставок, проверок показаний на месте без участия защитника, чтобы исключить искусственное приумножение доказательственной базы за счет закрепления в протоколах очных ставок и проверки показаний на месте признания вины в отсутствие надлежащих гарантий [6].

Думается, что данная система гарантий создаст надежный и эффективный механизм реализации и защиты конституционных прав и свобод граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

Литература

1. Алёшина А. Д., Асланян А. Л., Беляева К. В., Булатова В. В. Сделки о признании вины в уголовном процессе зарубежных стран // Юридический вестник молодых ученых. – 2016. – № 3 – С. 39–44.

¹ По жалобе гражданина Демьяненко В. Н. на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ № 44-О. – URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47218/ (дата обращения: 20.04.2023).

2. Быков В. М., Громов Н. А. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением // Уголовное право. – 2004. – № 2. – С. 91–94.
3. Волосова Н. Ю. Некоторые суждения о доказательственном значении признания обвиняемым своей вины // Российская юстиция. – 2008. – № 1. – С. 67–69.
4. Перекрестов В. Н. Признание обвиняемым своей вины как самостоятельное условие деятельного раскаяния // Бизнес в законе. – 2009 – № 5. – С. 171–172.
5. Перекрестов В. Н. Проблема обеспечения гарантий допустимости признательных показаний // Российская юстиция. – 2009. – № 8 – С 55–56.
6. Перекрестов В. Н. Совершенствование системы гарантий добровольности признания вины как направление модернизации уголовно-процессуального законодательства // Вестник Волгоград, гос. ун-та. Серия 5: Юриспруденция. – 2013. – № 2(19). – С. 160–165.
7. Перекрестов В. Н., Соловьева Н. А. Доказательственная функция признания // Российская юстиция. – 2008. – № 11. – С. 55–58.

Статья поступила в редакцию: 15.05.2023; принята в печать: 20.11.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.